

Енисейскія Губернскія вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Пѣсни Минусинскихъ Татаръ. Ст. К. Н. Кострова.

Пѣсни Минусинскихъ Татаръ.

, Народныя пѣсни, говоритъ Гердеръ, суть архивы народа, сокровища его науки, религіи, космогоніи, космогоніи, жизни предковъ, историческихъ событій. Это голосъ его сердца, образъ его души въ радости и горѣ, близъ брачнаго ложа и на краю могилы.¹⁴ Едва ли въ мірѣ есть народъ, у котораго не было бы родныхъ, заветныхъ пѣсень. Путешественники слыхали ихъ то на южныхъ, то на южныхъ, то трогательныя и между дикими племенами Америки и Австраліи, и на негостепримныхъ берегахъ Ледовитаго моря, и среди раскаленныхъ песковъ пустыни. У инородцевъ Минусинскаго округа есть также свои народныя пѣсни, пѣсни бѣдныя и въ политическомъ отношеніи и по своему содержанію, но тамъ не менѣе интересныя для всякаго, кто желаетъ ближе узнать характеръ этихъ инородцевъ. Приведемъ здѣсь нѣ-

которыя изъ этихъ пѣсень, въ русскомъ переводѣ: подлинный текстъ ихъ можетъ быть и полезенъ и интересенъ, только для оріенталиста.

Было бы счастьемъ, если бы наши инородцы, большую частію тюркаго племени, не имѣли ни какой исторіи, имѣли хоть сколько нибудь историческихъ пѣсень; тогда мы знали бы хоть что-нибудь объ ихъ прошедшемъ; но пѣсень чисто историческаго содержанія у нихъ нѣтъ, хотя и можно догадываться, что были, но позабыты народомъ. Такъ между Качинцами и соседями ихъ Кизыльцами до сего времени сохранился, повидимому, отрывокъ изъ большой пѣсни о богатырѣ Чайзагъ. Чайзагъ, по преданію, жилъ до покоренія теперешней Енисейской губерніи Русскими и управлялъ всеми Татарскими племенами, обитавшими до подножія горъ Саянскихъ. Следовательно, онъ былъ Башлыкъ, князецъ, владѣтельное лицо въ своемъ родѣ. Чайзагъ былъ гигантскаго роста,

(*) Volks lieder. Введеніе

гигантской силы, страшный храбрецъ и отличный наездникъ. Главнымъ поприщемъ для своихъ воинскихъ подвиговъ онъ избралъ владанія Кузнецкихъ татаръ, которые не хотѣли ему подчиниться. Три раза онъ ходилъ на нихъ войною, побивалъ множество людей, сожигалъ улусы и угонялъ стада; три раза онъ счастливо возвращался на родину. Вслѣдствіе этихъ набеговъ, Чайзагъ страшнымъ образомъ разбогатѣлъ. Лошадь его, на которой онъ обыкновенно ѣздилъ, была самая лучшая въ цѣлой странѣ; конская сбруя была самая великолѣпная, седельныя луки золотые, стремяна серебряныя. Когда онъ въ ясный день прѣзжалъ въ улусъ, отъ него свѣтило, какъ отъ солнца, ночью отъ него блистало, какъ отъ мѣсяца. Мало показалось Чайзагу пріобрѣтеннаго богатства, задумалъ онъ снова напасть на Кузнецкихъ татаръ. Собравъ огромную рать, онъ простился съ молодой своей женой Абакаей и отправился черезъ хребетъ Ахтаскыйскій. Но походъ его былъ не удаченъ. На дорогѣ онъ заболѣлъ и, чувствуя приближеніе смерти, захотѣлъ еще разъ увидѣться съ любимою женой. Абакаа немедленно прѣехала, но Чайзагъ уже умеръ. Съ торжествомъ она похоронила его на одной изъ самыхъ высокихъ горъ Ахтаскыльа и навалила на могилу огромный курганъ бѣлыхъ камней. Тутъ просидѣла она три дня и три ночи и все пѣла пѣсню, которая, какъ замѣчено выше, вѣроятно отрывокъ изъ пѣсни, прославившей, можетъ быть, весь походъ Чайзага. Вотъ эта пѣсня, весь. ма сходная, по своему содержанію, съ

нашими простонародными причитаньями:

„Вся мы ходили, все было у насъ въ золотъ; но тебѣ этого показалось мало. Я отговаривала тебѣ ходить на ненужную войну; но ты словъ моихъ не послушался и легъ здѣсь. Я, Абакаа, пришла сюда, встань посмотри на меня, Чайзагъ! Теперь и ты на меня не смотришь, лежишь себя на темъ горъ Таскыльскихъ, тихо лежишь на выбранномъ мѣстѣ, построивъ себя домъ изъ бѣлыхъ камней Таскыльскихъ! Я обошла кругомъ; ты не встаешь. Я хочу возвратиться демой и приду сюда, взявши варныхъ воиновъ.“

Тутъ пѣсня, или причитанье, оканчивается. Но преданіе говоритъ, что когда Абакаа готова была уже оправиться домой, къ ней подошелъ молодой человекъ, по имени Чайзанъ, другъ и пріятель Чайзага, называвшійся его меньшимъ братомъ. Онъ объяснилъ Абакаа, что похороны Чайзага хотя и кончены, но ей слѣдуетъ еще остаться на этомъ мѣстѣ некоторое время, чтобы похоронить его, Чайзана. Нѣкогда онъ далъ клятву Чайзагу лечь въ одну съ нимъ могилу и теперь долженъ исполнить свое обещаніе. Въмѣстѣ съ этимъ Чайзанъ вынулъ ножъ и зарѣзалъ. Онъ похоронилъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ и могилу двухъ витязей, по сказанію, и теперь еще видна на одной изъ высочайшихъ горъ Ахтаскыльа.

Точно такой же характеръ отрывочности носить на себя слѣдующая пѣсня, записанная у Сагайцевъ:

„Кто не сѣдетъ на осѣланнаго коня? Кто не поймаетъ пьянаго человека? Кто не остановитъ заузданнаго коня?“

Кто не свяжетъ пьянаго человека? Кто не застрѣлитъ безногаго звѣря? Кто не свяжетъ дурнаго человека? Но кто, однажды упустивъ, поймаетъ упрямостойкаго Канзабигды? Кто привлечетъ обманомъ славнаго богатыря Канзабигды?

Кто былъ атотъ богатырь Канзабигда, преданія нашихъ инородцевъ не упоминаютъ ни слова.

Къ числу пѣсенъ историческихъ, или, покрайней мѣрѣ, довольно старыхъ, должно отнести ту, которую г. Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи, (*) въ сожалѣнію, переложилъ въ стихи, отнявъ тамъ у ней, по всей вѣроятности, очень много оригинальной простоты.

„Ахъ, за чѣмъ съ тобой прощалася,
Отпускала въ дальніе стороны?
Ахъ за чѣмъ за горы бѣлыя
Ты похалъ ненаглядный другъ?“

—
Лишь одно на небѣ солнышко!
Онъ одинъ моимъ былъ солнышкомъ;
Имъ цѣля я, сограждалася,
Свѣтъ увидѣла отъ ласкъ его

—
Ты убить врагами лютыми:
Потемнѣло солнце красное;
Не увидишь больше подданныхъ,
Не увидишь ты жены своей.

—
О! страшна мнѣ ночь всегдашняя!
Лучше въ воду! лучше въ полымя!
Я умру женою Ханскою.
Не хочу я здѣсь безъ друга жить“

Такъ Байджеста горько плакала
И безъ мѣлаго не выжила.

Вышла за мужъ за невольника,
Позабыла про высокій санъ.

Въ настоящее время эта пѣсня совершенно позабыта, такъ что, при всемъ стараніи, мы не могли слышать ее въ подлинникъ ни у одного изъ здѣшнихъ татарскихъ племенъ.

Изъ обрядовыхъ пѣсенъ намъ извѣстны двѣ: первая изъ нихъ поется на сватбахъ у Качинцевъ, живущихъ по Юсамъ, и у Кызыльцевъ, вторая у Сагайцевъ.

Празднуя сватбы, по своимъ стариннымъ обычаямъ, Качинцы и Кызыльцы вводятъ молодыхъ въ юрту, сажаютъ на лавку, покрытую ковромъ и ставятъ противъ нихъ два хора пѣсенниковъ, заранее приготовленныхъ. Держа въ рукахъ разноцвѣтныя шелковыя занавѣсы, они стоятъ предъ молодыми и безпрестанно поютъ пѣсни. Эти пѣсни невольно напоминаютъ *carmen nuptiale* Катулла. Хоръ пѣсенниковъ, стоящій передъ молодымъ, поетъ о томъ, что онъ пріѣхалъ взять молодую. Хоръ со стороны послѣдней сопротивляется этому и требуетъ подарковъ. Вотъ самые употребительнѣйшіе хоры:

Хоръ молодого,

Когда предъ мѣсяцемъ держишь занавѣсь, золото блещетъ въ его тѣни. Богъ создалъ дитя міру, теперь мы пріѣхали его взять.

Хоръ молодой.

Чтобы девушку взять, надо далеко ѣхать въ чужой улусъ на добрыхъ коняхъ. У нея есть родные: надо привести имъ гостинца.

(*) Енисейс. губ. II стр. 94

Хоръ молодого.

Когда предъ солнцемъ держишь зана-
вась, серебро блещетъ въ его тѣни.
Дитя наречено зятю; мы пріѣхали увез-
ти его.

Хоръ молодой.

Вы ахали и пріѣхали на добрыхъ ко-
няхъ; много ли посуды вина привезли
съ собою? Выставьте его для угощенія
предстоящихъ родственниковъ.

Хоръ молодого.

Если бы Царь не сотворилъ тайги,
откуда бы тебѣ многоводный Черный
Юсь? Если бы ты не рѣшился выдать
за мужъ милое дитя, съ чего бы соста-
вился этотъ пиръ.

Хоръ молодой.

Самъ полную чару выпивши, угощу
уподзиваю всю родню; а потомъ не за-
медлю отдать Богомъ дарованное дитя.
Между тѣмъ одно ей слово скажу и
проч.

Отправляясь вѣртелю на звароловѣ-
во, Сагайцы поютъ слѣдующую пѣсню:

На вышинъ бѣлаго Таскыла носатся
бѣлыя облака По маленьку будемъ хо-
дить, товарищи!

На вышинъ синяго Таскыла носатся
синія облака. Будемъ ходить веселѣе,
товарищи!

Дремучій лѣсъ черной тайги-чернымъ
черно стоитъ. Мирно заживемъ тава-
рищи!

Общій умъ народа (т. е. Сагайцевъ)
не раздѣленъ стоитъ. Мирно заживемъ
товарищи!

Вообще должно сказать, что большая
часть пѣсенъ у нашихъ татаръ импро-
визуется. Возвращаясь изъ гостей, ко-
нечно, подгулявъ, эдашній инородецъ

встрѣчаетъ на пути одинъ изъ тѣхъ
кургановъ, которыми во множествѣ усы-
яны ихъ владѣнія. Увидя его онъ начи-
наетъ пѣть о томъ, какой великій бога-
тырь похороненъ въ немъ и какіе под-
виги этотъ богатырь совершилъ въ
жизни. Далѣе, на пути ему встрѣчается
лѣсъ или рѣка; онъ начинаетъ воспавать
и ихъ. Случается ли, что мужъ съ же-
ною подрался въ юртѣ, одинъ изъ су-
пруговъ, а иногда и оба вмасть, послѣ
этой семейной сцены, раздѣляются на
разныя стороны, садятся на корточкахъ и
со слезами на глазахъ начинаютъ пѣть
о томъ, какъ они прежде хорошо жили,
при началѣ супружества. Подобныя им-
провизаціи скоро забываются или вари-
ируются въ народѣ до бездѣльности.
Вотъ некоторые:

г.

„Есть ли потокъ, который бы не пере-
ходилъ зваръ? Есть ли человѣкъ, вырос-
шій безъ муки? Есть ли конь, выучен-
ный безъ нагайки. Есть ли человѣкъ,
выросшій безъ людей?

Одна-однихонькая лѣсина бываетъ
боязлива на вѣтръ; одинъ-однихонькій
человѣкъ бываетъ боязливъ на народъ.

Коню иноходцу, борзому сивку, под-
ходить время идти въ дорогу. Мнѣ, ро-
дившемуся на свѣтъ горемыкой, подхо-
дитъ печальное время.“

Вариантъ этой пѣсни поется такъ:
„Одинокій человѣкъ бываетъ боязливъ
на народъ; на степи одинокое дерево бо-
ится вѣтра. Но какъ я сяду на бровна-
го жеребца, то объѣду весь многочислен-
ный народъ (т. е. Сагайскихъ татаръ)
и гдѣ бы я, бѣднякъ, не присталъ на ноч-
легъ, ни гдѣ не побѣюсь человека.“

2.

„Весна прошла, наступила осень; берега озера покрылись льдомъ. Аппака ярай.

Осень прошла, наступила зима, снежныя проталинки обратились въ ледъ. Аппака ярай.

Что ты видишь сквозь окошечко? За чѣмъ ты по напрасну смеешься? Аппака ярай.

Что ты смотришь въ окошечко? Что ты смеешься тому, чего не видишь? Аппака ярай,

3.

Не стой на краю берега: ватромъ увесеть ергакъ!

Доброй и злой смеются ивѣ: ватромъ увесеть ергакъ!

Башлыкъ былъ живъ, я носила ергакъ шелковый и задила на мноходца.

Пять лѣтъ, какъ умеръ Башлыкъ, и я стала нищею, какъ дитя нагое, которое лежитъ въ тепломъ пеплѣ.

На что мнѣ красота? на что мнѣ молодость? только на солнцѣ отрастаетъ хвостъ и грива у зобылицы.

Такъ или не такъ, а Тамина будетъ моею, говорить всякой.

Какъ ногой младенецъ валяюсь теперь на сухомъ пеплѣ. Мнѣ тепло и спокойно.

Ахъ! ватерь увесъ послѣдній мой ергакъ. Не ужели придется ивѣ валяться на скользкой грязи? 16

4

„Есть ли гора, которую не посѣщала-бы табарга? Есть ли человекъ, вырос-

шій безъ стаскениа? Есть ли гора, гдѣ бы не хаживалъ присный ковель? Есть ли человекъ, выросшій безъ гора? Есть ли таскылъ, въ который не хаживалъ бы медвѣдь? Есть ли человекъ, не заблуждавшійся? Есть ли озеро, чрезъ которое волеъ не переплывалъ бы? Есть ли человекъ, выросшій безъ разлуки?

Вариантъ этой пѣсни поется такъ:

Есть ли рѣчка, чрезъ которую не переходилъ бы сохатый? Есть ли человекъ, выросшій безъ слезъ?

Есть ли гора, гдѣ бы не ходила бы табарга? Есть ли человекъ, выросшій безъ нужды?

Есть ли гора, гдѣ бы не ходила красная коза? Есть ли человекъ выросшій безъ нужды? Есть ли озеро, чрезъ которое не переходилъ бы волеъ? Есть ли человекъ выросшій безъ разлуки?

Есть ли степь, чрезъ которую не перелеталъ бы ястребъ? Есть ли человекъ, выросшій безъ разлуки съ семействомъ? 16

5.

„На ве осѣдланнаго коня я не сяду; за худого человека за мужъ не пойду.

Удвой мой волеъ, довези меня до мужа. Онъ все мнѣ милъ, сколько бы не билъ меня.

Не говори мнѣ, что ты меня билъ; я умру, мой милый другъ съ тобою.

Ивѣ эти пѣсни, вромѣ второй и третьей, записаны у Согайцевъ; вторая пѣсня поется у Качинцевъ и Кизыльцевъ; третья приведена здѣсь по весьма вѣрному переводу г. Степанова, находящемуся въ его описаніи Енисейской губерніи. Она поется у Качинцевъ.

Голосъ Татарскихъ пѣсень не пріятъ, | протѣжливый.
ный, но болѣею частью грустный ■ | *Князь Н. Костровъ.*

Печатать дозволяется: Виссѣйскій Гражданскій Губернаторъ *Падзла.*

КРАСНОЯРСКЪ.